

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СѢНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во все города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морского духовенства: С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Протопресвитеръ военнаго и морского духовенства сообщилъ Сѣнодальному Оберъ-Прокурору, что: а) гражданинъ мѣстечка Ардагана, изъ грековъ, Ѳедоръ Шаровъ, въ память событій 17-го Октября 1888 г. и 29-го Апрѣля 1891 г., пожертвовалъ въ церковь 151-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка 75 руб. на приобрѣтеніе для оной новаго колокола, и б) мѣщане гор. Екатеринодара, по большинству запасные и отставные нижніе чины, а по ремеслу древодѣлы, въ воспоминаніе посѣщенія ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ съ Августѣйшимъ Семействомъ 22-го Сентября 1888 г. гор. Екатеринодара, пожертвовали въ свою приходскую церковь съ позолоченною рѣзьбою

кіотъ, съ соотвѣтствующею событію 17-го Октября 1888 г. надписью, съ иконами чеканной золоченой работы византійской живописи: Спасителя, Іосифа Обручника, благовѣрнаго князя Александра Невскаго, Божіей Матери и Николая Чудотворца, стоимостью 350 руб., при чемъ жертвователи постановили знаменательный день 22-го Сентября праздновать ежегодно, на подобіе храмовыхъ престольныхъ праздниковъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Побѣдоносцева о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ въ 15-й день минувшаго Мая благоугодно было собственноручно начертать:

«Благодарить».

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ВОЕННЫЯ ЦЕРКВИ:

Священникъ *Ревельской Рождество - Богородицкой церкви* Іоаннъ Харламовъ донесъ, что г. командиръ транспорта «Секстантъ», капитанъ 2-го ранга Михаилъ Θεодоровичъ *Мистровъ* пожертвовалъ во ввѣренную ему церковь полное траурное священническое облаченіе изъ чернаго англійскаго манчестера, обшитое серебрянымъ гасомъ, 2) бѣлый шелковый подризникъ и 3) пасхальный трехсвѣчникъ, апплике, золоченый изящной работы.

По сообщенію священника 90-го пѣхотнаго Онежскаго полка Петра Соболева, во ввѣренную ему церковь, въ Февралѣ мѣсяцѣ текущаго года пожертвованы:

1) походная большая серебряная дароносица, вѣсомъ $2\frac{2}{4}$ фун., чеканной работы, плащаница и Тайная вечеря, отъ гг. штабъ-и оберъ офицеровъ полка;

2) бронзовыя, рѣзные, вызолоченныя хоругви (иконы писаны подполковникомъ того же полка Чернявскимъ), сооруженныя чинами полка;

3) большая кіота для полкового образа съ золочеными украшеніями, отъ купцовъ П. и Н. Сальниковыхъ;

4) чаша для святой воды, накладного серебра, отъ С.-Петербургскаго купца В. Васильева;

5) кувшинъ для святой воды (накладного серебра) отъ Ревельскаго купца *Вержбицкаго*;

6) большой подсвѣчникъ къ полковому образу и пасхальный трехсвѣчникъ отъ купца П. И. Лобачева;

7) образъ распятія Христова (въ 2 аршина) отъ подполковника Чернявскаго;

8) три воздуха желтаго газета, шитыя синелью, отъ купца П. И. Лобачева;

9) шелковая голубая завѣса (катапетасма) къ царскимъ вратамъ, отъ Ант. Фед. Веле;

10) три Евангелія вновь покрыты бархатомъ (отъ нея же);

11) 6 широкихъ лентъ въ Евангеліе, и одна къ полковому образу, отъ А. С. *Степановой*, М. В. *Степановой*, Л. Ев. *Сергѣевой* и М. И. *Кожевниковой*;

12) пелена къ полковому образу отъ госпожи Е. Е. *Пельцигъ*;

13) 3 пунцевыхъ шелковыхъ плата: 1 большой, отъ М. М. *Биргеръ* и два отъ младенца *Нины*;

14) сумка для дароносицы изъ шелковой матеріи, отъ г-жи *Прокловой*.

Всѣ пожертвованія приняты съ искреннею благодарностію и внесены въ описи церковнаго имущества.

Призываю благословеніе Господне на всѣхъ жертвователей и жертвовательницъ и молю Бога, да не оскудѣваетъ рука благодѣющаго!

Протопресвитеръ А. *Желобовскій*.

ИЗЪ ПРИКАЗА

по 83-му пѣхотному Самурскому полку.

2-го марта 1892 года, уроч. *Дешлагаръ*.

Полковой священникъ ввѣреннаго мнѣ полка и благочинный 21-й пѣхотной дивизіи протоіерей Андрей *Громаковскій*, по распоряженію Протопресвитера военнаго и морского духовенства, назначенъ настоятелемъ Бакинской портовой церкви и благочиннымъ надъ духовенствомъ Каспійской флотиліи.

Разставаясь съ дорогимъ для всего полка отцомъ

Андреемъ, не могу не выразить своего душевнаго сожалѣнія, при тяжелой мысли о разлукѣ съ нашимъ духовнымъ отцомъ и дорогимъ сослуживцемъ.

Съ 1885 года исполняя должность полкового священника, отецъ Андрей въ теченіе этихъ 7-ми лѣтъ неусыпно всегда заботился о процвѣтаніи и благосостояніи полковой церкви.

Съ самаго начала своего назначенія въ полкъ, отецъ Андрей сумѣлъ быстро пріобрѣсти и твердо закрѣпить навсегда за собою искреннюю любовь и уваженіе и, служа всегда примѣромъ смиренія и воздержаности, сумѣлъ пріобрѣсти на всѣхъ чиновъ полка серьезное религіозное и нравственное вліяніе.

Такое исполненіе долга службы и глубокая вѣра въ свое высокое призваніе нравственно заставляютъ меня просить отца Андрея принять мою душевную искреннюю признательность за его примѣрную на пользу всего полка службу.

Я убѣжденъ, что всѣ мои подчиненные, начиная со штабъ-офицера и кончая послѣднимъ солдатомъ, раздѣляютъ мое сердечное сожалѣніе при разставаніи съ дорогимъ для насъ отцомъ Андреемъ.

Подлинный подписалъ командиръ полка,

Полковникъ *Стариковъ*.

Утѣшительно читать такіе лестные отзывы о военныхъ священнослужителяхъ!

Отъ Духовнаго при О. Протопресвитерѣ Правленія.

Съ 1-го числа текущаго Августа мѣсяца открываются для военныхъ церквей склады свѣчей:

- 1) въ гор. *Одессѣ* (подъ наблюдениемъ священника госп. церкви В. Подлипскаго);
- 2) въ гор. *Николаевѣ* (подъ наблюдениемъ протоіерея М. Романскаго);
- 3) въ гор. *Севастополь* (подъ наблюдениемъ протоіерея Иліи Новоселова);
- 4) въ гор. *Тифлисѣ* (подъ наблюдениемъ протоіерея Дм. Виноградова);
- 5) въ гор. *Карсѣ* (подъ наблюдениемъ протоіерея Даміана Борща);
- 6) въ гор. *Варшавѣ* (подъ наблюдениемъ протоіерея А. Плышевскаго).

Изъ этихъ складовъ мѣстные и близъ расположенныя военныя церкви обязуются пріобрѣтать покупкою свѣчи, а равно и сдавать въ оныя огарки для отправки ихъ на свѣчной заводъ, по адресу: *Новоторжская желѣзная дорога, станція Старица, смотрителю свѣчного завода Константину Хохлову*. За огарки отъ свѣчей, съ военнаго завода получаемыхъ, вычитая за доставку ихъ на заводъ по разстоянію, получаютъ въ обмѣнъ свѣчи, по слѣдующему расчету: огарки—25 руб. за пудъ, свѣчи—32 руб. за пудъ.

Желательно, чтобы завѣдующіе указанными складами высылали огарки на заводъ, въ болѣе или ме-

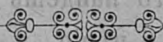
нѣе достаточномъ количествѣ (не менѣе пяти пудовъ), и требованія на свѣчи представляли въ Духовное Правленіе заблаговременно, съ подробнымъ указаніемъ, сколько пудовъ и какого сорта нужны имъ свѣчи.

Такой порядокъ полученія свѣчей и обмѣна огарковъ рекомендуется и другимъ, уже открытымъ, свѣчнымъ складамъ. Деньги за свѣчи, по мѣрѣ отпуска ихъ, завѣдующіе складами высылаютъ черезъ каждый мѣсяць въ Духовное Правленіе. Такъ какъ свѣчной заводъ существуетъ только еще первый годъ и запаснаго капитала не имѣетъ, то полезно было бы отпускать свѣчи за наличныя деньги: исключенія допускаются только по самымъ уважительнымъ причинамъ (если, напр., при полку не имѣется церковной суммы).

На заводъ для церквей военнаго вѣдомства заготавливаются свѣчи слѣдующихъ сортовъ:

а) на фунтъ	80 шт.	е) на фунтъ	10 шт.
б) на фунтъ	60 шт.	ж) на фунтъ	6 шт.
в) на фунтъ	40 шт.	з) на фунтъ	4 шт.
г) на фунтъ	20 шт.	и) на фунтъ	2 шт.
д) на фунтъ	12 шт.	і) на фунтъ	1 шт.

Имѣются также свѣчи въ два, три и четыре фунта каждая; могутъ быть приготовляемы и большихъ размѣровъ, только по особому заказу, заблаговременно сдѣланному.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Беседа о томъ, что праздники—дни Божіи, а не наши.

«Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмой, суббота, Господу Богу твоему».

Такими словами Господь Богъ заповѣдалъ народу израильскому чрезъ пророка Моисея хранить день субботній и посвящать его исключительно на служеніе Ему, какъ въ воспоминаніе окончанія творенія міра, и въ частности для народа израильскаго—въ воспоминаніе избавленія его отъ рабства египетскаго. И дѣйствительно, Израильтяне помнили эту заповѣдь Божию и всегда благоговѣнно проводили день субботній. И если кто-нибудь осквернялъ этотъ день, то по закону предавался смерти. (Исх. 31, 14. Числь 15, 32—36).

Такъ строго соблюдался день субботній до самаго пришествія Иисуса Христа на землю, или вѣрнѣе сказать до воскресенія Его изъ мертвыхъ. Св. Церковь, перенесла этотъ праздникъ съ субботы на воскресенье въ воспоминаніе воскресенія Иисуса Христа изъ мертвыхъ и избавленія нашего отъ рабства грѣху и діаволу. И дѣйствительно, этотъ день первенствующие христіане посвящали исключительно на служеніе Богу. Не только въ самый день, но даже и наканунѣ его они собирались въ церковь и тамъ совершали продолжительныя службы, нерѣдко до восхода солнца; отдохнувъ немного, они опять собирались въ церковь для прославленія Бога. И ничто не могло удержать ихъ дома: ни домашнія работы, ни болѣзнь, ни старость, ни даже самыя страшныя гоненія—всѣ они спѣшили въ церковь, чтобы едиными устами и единымъ сердцемъ восхвалить Бога, оказавшаго столько благодѣяній роду человѣческому.

Такъ проводили воскресный день первенствующие христіане; такъ и мы должны проводить его.

Обыкновенно подъ воскресный день вечеромъ и въ самый воскресный день съ утра начинаютъ благовѣстить къ службѣ церковной. Поспѣвши, христіанинъ, въ церковь. Тамъ много найдешь ты для себя поучительнаго. Въ церкви все—и иконы, и чтеніе, и пѣніе, и главное—совершенство св. таин-

ства Причащенія напоминають тебѣ, что ты искупленъ кровію Христовой, содѣлался свободнымъ отъ грѣха и сталъ наслѣдникомъ обѣтованнаго тебѣ царства небеснаго. Смотри, не упусти ни одной службы по лѣности, или нерадѣнію. Тамъ, отрѣшившись отъ всего земнаго, умомъ возносишься ты къ Богу и свою молитву соединяешь съ молитвами другихъ христіанъ, а главное—съ молитвами священнослужителей, предстоящихъ престолу Божьему, и такая всеобщая молитва скорѣе будетъ услышана Богомъ. Развѣ ужъ старость, или болѣзнь задержать тебя дома, но и тогда не оставляй молитвы и не забывай возблагодарить Бога, благодарющаго тебѣ. А когда услышишь звонъ на «достойно», одѣсни себя крестнымъ знаменіемъ и вознеси свой умъ и сердце къ Богу, такъ какъ это есть самая важная и священная минута Богослуженія.

Но вотъ окончилась въ церкви служба, но съ нею не кончился воскресный день. «День весь совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ»..... Слѣдовательно, не слѣдуетъ заниматься непристойными дѣлами въ этотъ день. А собери вокругъ себя всѣхъ своихъ домочадцевъ, поразмысли, что читалось и пѣлось въ церкви, что говорилъ батюшка и такое занятіе и тебѣ будетъ во спасеніе и твоимъ домочадцамъ на пользу. Затѣмъ возьми Божественную книжку—св. Библію, въ которой написано все, что Богъ совершилъ для спасенія человѣка и что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы получить спасеніе; почитай ее со вниманіемъ. Нѣтъ у тебя Библии, возьми другую душеспасительную книгу, напр., житія святыхъ. Въ этихъ книгахъ имѣются на каждый день поучительныя житія святыхъ, которые, возлюбивъ Бога всѣмъ сердцемъ, неуклонно слѣдовали въ жизни по заповѣдямъ Его и достигли обѣтованнаго царства, даннаго Спасителемъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Въ этой книгѣ вы найдете поучительныя житія людей всѣхъ возрастовъ, званій и состояній, какъ бы въ доказательство того, что человѣку во всякое время и во всякомъ состояніи есть возможность спастись при помощи Божіей благодати. Если самъ не умѣешь читать, попроси другого, а если не найдется у тебя въ домѣ грамотнаго, займись душеспасительнымъ разговоромъ о Богѣ и о благодѣянїяхъ Его людямъ.

Наконецъ, въ воскресный день самымъ приличнымъ и душеспасительнымъ занятіемъ для христіанина можетъ быть посѣщеніе больницъ, заключенныхъ въ темницѣ и другихъ безпріютныхъ для оказанія имъ посильной помощи.

Примѣромъ въ этомъ случаѣ служить для насъ самъ Господь Іисусъ

Христось. Евангельская исторія повѣствуетъ намъ, что Иисусъ Христось обыкновенно въ праздничные дни исцѣлялъ больныхъ и этимъ показалъ намъ примѣръ, что «достоитъ въ воскресный день добро творити». (Мат. 12, 11). И дѣйствительно, христіане, послѣдуя своему Пастыреначальнику, обыкновенно по праздникамъ посѣщали больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ и старались всѣми средствами облегчить участь несчастныхъ и страдальцевъ. По праздничнымъ днямъ христіане устраивали въ домахъ своихъ трапезы для нищихъ, оказывали милости должникамъ и рабамъ: первымъ прощали долги, а послѣднихъ отпускали на свободу. Вотъ какъ проводили христіане праздничный день, такъ и мы должны проводить его.

А такъ ли бываетъ у насъ? Какъ нарочно, въ воскресный или праздничный день у насъ и набирается много работы. Мастеровой говорить: мнѣ надо работу покончить: получу за это лишнюю копѣйку; некогда въ церковь сходить. Крестьянинъ говорить: а мнѣ надо соху исправить на завтра; надо поѣхать въ городъ, кое-что продать и на эти деньги купить для дому; некогда въ церковь сходить. Купецъ говорить: мнѣ надо на биржу, или въ лавку сходить и тамъ посмотрѣть, какъ мои дѣла идутъ. Иной еще говорить: а мнѣ надо съ тѣмъ то и съ тѣмъ повидаться; въ будничныи день ихъ не застанешь дома. Да и ты, христолюбивый воинъ, нерѣдко отговариваешься недосугомъ: тебѣ надо и ружье почистить, и самому почиститься; завтра смотри и надо явиться передъ начальствомъ молодцомъ, чтобы заслужить похвалу.

Да, многіе, очень многіе отговариваются недосугомъ. А смотришь въ праздничный день церковь пустая, а рынки полны народомъ, трактиры, харчевни и разныя увеселительныя заведенія тоже полны народомъ. Отъ того и выходитъ, что въ праздники и больше пьянства, разгулу, и больше всего въ эти дни совершается преступлений. Все дурное — не христіанское совершается чаще всего въ праздники. Надо сознаться, что другіе народы лучше проводятъ свои праздники, чѣмъ мы — православные. Возьмите, на примѣръ, американцевъ. Этотъ народъ считается самымъ дѣятельнымъ и промышленнымъ народомъ. А посмотрите на него въ праздникъ! Все неподходящее къ праздничному дню, все закрыто. Конторы заперты, лавки тоже, а трактиры и харчевни подавно; зрѣлища и разныя увеселенія строго воспрещены; улицы пусты и вы не найдете тѣхъ возмутительныхъ явленій пьянства, буйства и безобразія, которыя столь обыкновенны у насъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Но этотъ народъ—все таки христіанскій, хотя и неправославный, и вотъ татары—магометане, какъ они чтутъ свои праздники! Въ тишинѣ и молитвенномъ настроеніи проводятъ они эти дни, не позволяя себѣ никакихъ занятій. Даже евреи—и тѣ чтутъ свои субботы. Въ эти дни по городамъ, селамъ и мѣстечкамъ господствуетъ тишина: площади пустѣютъ, лавки закрываются, торговля прекращается. Какъ недостойно въ сравненіи съ другими народами поведеніе православныхъ христіанъ въ свои праздники!

Не такъ, какъ должно, встрѣчаемъ мы свои праздники. Не похристіански мы проводимъ ихъ; совсѣмъ отвортили мы отъ Бога, за что и Онъ посылаетъ на насъ великія бѣдствія: голодъ, морю и пожары и т. п. Можно прямо сказать, что эти наказанія Божіи ниспосылаются намъ за оскорбленія святости дней Господнихъ, ибо Онъ Самъ грозитъ чрезъ пророка «превратить праздники наши въ плачъ» и такіе праздники «ненавидитъ душа Его» (Исаіи 1, 14).

Будемъ же твердо помнить, что праздники—дни Божіи, а не наши и будемъ проводить ихъ похристіански: приходимъ въ Церковь, освящать эти дни добрыми дѣлами, молитвами и исправленіемъ самихъ себя. Будемъ праздновать по заповѣди апостола, не въ порокахъ и лукавствѣ, но въ «чистотѣ и истинѣ» (1 Кор. 5, 8), какъ благоугодно Богу. Аминь.

Священникъ 90 лѣтняго Онежскаго полка Михаилъ Зеленинъ.

Преображеніе Господне.

Во время земной жизни І. Христось, проповѣдуя Свое Божественное ученіе, избралъ Себѣ св. Апостоловъ. Они были такъ близки къ своему Учителю, что Онъ называлъ ихъ Своими *дѣтьми* (Іоан. 13, 33; 21, 5) и *друзьями* (Іоан. 15, 14). Избирая св. Апостоловъ, Господь имѣлъ въ виду сдѣлать ихъ Своими ближайшими помощниками въ Евангельской проповѣди. Чтобы Его ученики правильно и истинно поняли Его святое ученіе, крѣпко запечатлѣли бы въ своей памяти и во всемъ совершенствѣ и полнотѣ передали бы его людямъ, Господь открылъ имъ всѣ тайны царствія Божія (Мѡ. 10, 22), повѣдалъ имъ слова и волю Отца Своего небснаго (Іоан. 17, 6, 8, 14, 26). При этомъ Христось различнымъ образомъ убѣждалъ Апостоловъ въ томъ, что Онъ сошелъ съ неба и есть дѣйствительно Сынъ Божій. Но при всемъ томъ св. Апостолы, доколѣ не сошелъ на нихъ Духъ

Святѣй, не вполнѣ понимали своего небеснаго Учителя; они не чужды были нѣкоторыхъ недостатковъ и немощей. Такъ, они мечтали иногда о земномъ царствѣ Христа (Лук. 19, 11), ревновали о первыхъ мѣстахъ въ этомъ царствѣ (Мѣ. 20, 21; Марк. 10, 35), не прочь были желать чело- вѣческой славы своему Учителю (Іоан. 7, 4—3).

Особенно не понятны были для Апостоловъ страданія Христовы; имъ трудно было примирить ихъ съ вѣрою во Христа, какъ Сына Божія. Какъ можетъ Сынъ Божій терпѣть страданія отъ людей? Какъ можетъ подвергнуться оскорбленію и униженію Тотъ, Кому все передано Богомъ—Отцомъ Его (Мѣ. 11, 27), Кому покорны земныя стихіи (Марк. 4, 41), Кого боятся и трепещутъ даже злые духи? (Мѣ. 9, 29; Марк. 3, 11—12; Лук. 4, 34—35). Между тѣмъ Господь Іисусъ Христосъ въ послѣдній годъ Своей земной жизни все чаще и чаще сталъ напоминать ученикамъ, что Ему предстоитъ *«идти въ Иерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшихъ и первосвященниковъ и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть»* (Мѣ. 16, 21). Странное дѣйствіе производили эти слова на Апостоловъ. Они или не понимали своего Учителя (Марк. 9, 32; Лук. 9, 45; 18, 34), или же открыто прекословили Ему. *«Будь милостивъ къ Себѣ, Господи; да не будетъ этого съ Тобою»* (Мѣ. 16, 22), отвѣтилъ Апостоль Петръ на рѣчь Іисуса Христа о приближающихся Его крестныхъ страданіяхъ. Чтобы при видѣ крестныхъ Его страданій, ученики не усумнились въ Божество Его, какъ Сына Божьяго, Господь Іисусъ Христосъ, еще живя на землѣ, показалъ имъ Свою небесную славу, преобразившись предъ ними на горѣ Фаворѣ. Это было такъ.

Однажды Іисусъ Христосъ взялъ трехъ любимыхъ Своихъ учениковъ—Петра, Іакова и Іоанна и взшелъ съ ними на высокую гору—Фаворъ. Господь имѣлъ обыкновеніе иногда удаляться отъ шумной народной толпы и уходить въ уединенныя мѣста: здѣсь, вдали отъ міра, Онъ искалъ покоя отъ Своихъ великихъ трудовъ и проводилъ время въ молитвѣ (Лук. 5, 16; 9, 18; Іоан. 6, 3, 15). Такъ и преображеніе Господа, по свидѣтельству евангелиста Луки (9, 29), случилось во время Его уединенной молитвы на горѣ Фаворѣ.

Поднявшись на гору, Господь предался усердной молитвѣ, а Его ученики, по чело- вѣческой немощи, отъ дневнаго утомленія заснули. Вдругъ необыкновенный свѣтъ пробудилъ ихъ отъ сна. Апостолы увидѣли, что ихъ Учитель совершенно измѣнился: Лицо Его сіяло, какъ солн-

це, а одежды блестяли и свѣтились, какъ снѣгъ; весь Онъ былъ окружонъ чуднымъ небеснымъ сіяніемъ. Съ великимъ удивленіемъ смотрѣли ученики Христовы на это дивное зрѣлище. Но вотъ явились предъ сіяющимъ Господомъ два великихъ ветхозавѣтныхъ мужа—Моисей и Ілія и бесѣдовали съ Нимъ объ ожидающихъ Его крестныхъ страданіяхъ въ Іерусалимѣ.

Какимъ сильнымъ доказательствомъ Божества Христова для Апостоловъ было это явленіе на Оаворѣ Моисея и Іліи! По словамъ св. Іоанна Златоуста, «призывая Моисея и Ілію въ свидѣтели Своего преображенія, перваго, вкусившаго смерть, а послѣдняго, ей не приобщившагося (св. пророкъ Ілія живымъ былъ взятъ на небо), Іисусъ Христосъ хотѣлъ показать, что Онъ есть верховный Владыка жизни и смерти, неба и ада»¹⁾). Въстѣ съ тѣмъ Моисей и Ілія убѣждали Апостоловъ и въ необходимости смерти Христовой: если они допускали страданія Господа и бесѣдовали о нихъ, то какъ сомнѣваться въ этомъ, какъ не вѣрить такимъ великимъ избранникамъ и угодникамъ Божиимъ?

Радостію наполнилось сердце Апостоловъ при видѣ небесной славы Христа; пріятно имъ было и сообщество Моисея и Іліи. Поэтому св. Петръ въ восторгѣ воскликнулъ: *«Господи! хорошо намъ здѣсь быть; если хочешь, сдѣлаемъ здѣсь три куши, Тебѣ одну и Моисею одну и одну Іліи»* (Мѣ. 17, 4). Когда Петръ говорилъ эти слова, свѣтлое облако спустилось на гору и покрыло всѣхъ, на ней находившихся. Это было знакомъ явленія Божія, такъ какъ въ облакѣ часто благоволилъ Господь открывать Свое присутствіе (Псал. 96, 2; 103, 3). Изъ облака услышали Апостолы голосъ Бога—Отца: *«Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе; Его слушайте»* (Мѣ. 17, 5). Такимъ образомъ Самъ Богъ—Отецъ убѣждалъ Апостоловъ въ божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа и повелѣвалъ слушать Его словъ, вѣрить въ непреложную истину Его ученія: *«Его слушайте»*. По словамъ св. Ефрема Сирина, «этимъ гласомъ Господь вразумлялъ Апостоловъ, что домостроительство Моисея кончилось, и что они должны уже слушать Сына, ибо Моисей, какъ рабъ, говорилъ лишь то, что было ему заповѣдано и пропо-вѣдывалъ то, что было ему сказано, равно какъ и всѣ пророки, доколѣ не пришелъ Тотъ, Кто былъ обѣщанъ, т. е. Іисусъ Христосъ, Который

¹⁾ Изъ бесѣды 56-й на Ев. Матѣ. «Воскресн. Чтеніе» 1850 г. № 16, стр. 161.

есть Сынъ, а не приближенный слуга, Господь, а не рабъ, Владыка, а не подчиненный, Законодатель, а не подзаконный»¹⁾. Въ объясненіе гласа Божія во время преображенія Господня св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «если Іисусъ есть Сынъ возлюбленный, то не бойся, Петръ! Ибо если Отецъ всемогущъ, какъ и дѣйствительно, то и Сынъ всемогущъ; разсуди, что Онъ не только есть Сынъ, но и Сынъ возлюбленный. Кто же погубить Того, Кого любить? Итакъ, не смущайся, Петръ! Хотя бы любовь твоя къ Нему была безмѣрна, но ты не любишь Его такъ, какъ любить Родившій Его... *«Того послушайте»*—такъ, что если бы Онъ восхотѣлъ быть распятымъ на крестѣ, то ты (Петръ) тому не противься»²⁾.

Услышавши голосъ Бога—Отца, Апостолы въ великомъ страхѣ упали на землю. Когда они пришли въ себя, видѣніе славы небесной окончилось; Моисей и Ілія удалились; предъ ними стоялъ Іисусъ Христосъ въ обыкновенномъ человѣческомъ видѣ. *«Встаньте и не бойтесь»*, говорилъ Онъ пораженнымъ страхомъ ученикамъ (Мѡ. 17, 7). Когда Апостолы сходили съ горы, Господь запретилъ имъ говорить народу о томъ, что они видѣли, *«доколь Сынъ человѣческой не воскреснетъ изъ мертвыхъ»* (Мѡ. 17, 9).

Такъ явилъ Господь на землѣ ученикамъ Свою небесную славу, явилъ для того, чтобы они не смущались, не падали духомъ, не предавались унынію и отчаянію во время страданій Спасителя. Этотъ образъ Господа во славѣ навсегда долженъ былъ напечатлѣться въ душѣ Апостоловъ, и особенно оживиться и воскреснуть въ ихъ памяти при видѣ униженія и поруганія ихъ Учителя. Когда они увидятъ своего Господа въ страданіи, въ язвахъ, съ терновымъ вѣнцомъ на главѣ, поругаемымъ толпою, распинаемымъ врагами, они вспомнятъ, что на горѣ Ѡаворѣ видѣли Его же въ божественной славѣ, окруженнымъ небеснымъ сіяніемъ, бесѣдующимъ съ Моисеемъ и Ілією, какъ со Своими служителями, вспомнятъ, и «страданіе Его уразумѣютъ вольное»...

Кромѣ того, не могли св. Апостолы забыть и того радостнаго душевнаго состоянія, которое они испытали въ себѣ при видѣ небесной славы Іисуса Христа. *«Господи! хорошо намъ здѣсь быть»*..., говорилъ Апостоль Петръ. Такъ приближеніе человѣка къ Богу дѣлаетъ его доволь-

¹⁾ «Христ. Чтеніе» 1836 г. ч. 3, стр. 122—123.

²⁾ Изъ бесѣды 56-й на Ев. Мате, «Воскр. Чт.» 1850 г. № 16, стр. 162.

нымъ и счастливымъ. Душа наша, какъ созданная по образу и по подобію Божию, по природѣ своей стремится къ Богу, какъ своему живительному Источнику. Поэтому человѣкъ тогда живетъ правильно и согласно съ своими лучшими влеченіями, когда своими дѣлами, добрымъ поведеніемъ стремится угождать Богу, старается исполнять Его святая заповѣди. И по мѣрѣ того, какъ мы совершенствуемся въ доброй жизни, освобождаемся отъ грѣховъ и преуспѣваемъ въ святости, мы дѣлаемся счастливѣе и радостнѣе: миръ, покой и блаженство душевное возрастаютъ въ насъ вмѣстѣ съ трудами и заботами о благоугожденіи Богу. Добрыя дѣла, святая жизнь—приближаютъ человѣка къ Богу, приносятъ радость его душѣ, дѣлаютъ его счастливымъ еще на землѣ.

Напротивъ, грѣхъ и порочная жизнь удаляютъ человѣка отъ Бога, Существа святаго и правосуднаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ его счастья и покоя душевнаго. Какъ тѣло страдаетъ безъ пищи, какъ сохнетъ земля безъ влаги небесной, такъ и душа человѣка скорбитъ и мучится внѣ общенія съ Богомъ. Грѣхъ, какъ противленіе Богу, какъ нарушеніе Его воли, есть какъ бы жестокая болѣзнь, какъ бы мучительная язва для души. Поэтому, удаляя насъ отъ Бога, онъ въ тоже время причиняетъ намъ и страданія душевныя. И чѣмъ больше человѣкъ грѣшитъ, чѣмъ глубже погружается онъ въ порочную жизнь, тѣмъ тяжелѣе и безотраднѣе становится на сердцѣ его: уныніе, тоска и безпокойство овладѣваютъ душою грѣшника.

Такъ благотворно для души общеніе съ Богомъ чрезъ святую, добрую жизнь и такъ губительно и мучительно для нея вліяніе грѣха. Будемъ же по мѣрѣ силъ заботиться о благочестіи и святости, будемъ стараться благоугождать Богу и приближаться къ Нему добрыми дѣлами: тогда миръ и счастье будутъ царствовать въ душѣ нашей.

Сергіевскаго, всей артиллеріи собора Священникъ Іоаннъ Моревъ.

ПРЕСВИТЕРЪ.

(Изъ воспоминаній священника).

Вся вамъ любовь да бываетъ!

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ я назначенъ былъ священникомъ въ одинъ изъ приходоу К. губ., получившихъ печальную извѣстность въ епархіи вслѣдствіе сильно развившагося въ нихъ штундизма. Такихъ мѣстъ въ

епархіи въ тѣ годы было немного. Хотя въ матеріальномъ отношеніи онѣ представляли нѣкоторыя преимущества, какъ лежація въ прекрасной плодородной полосѣ, однако священническія мѣста въ нихъ были часто не заняты: священники и кандидаты священства обходили ихъ, какъ зачумленные. Нельзя сказать, чтобы и я охотно шелъ въ такой приходъ. Мнѣ предложилъ и убѣдилъ принять мѣсто преосвященный (давно уже почившій), знавшій меня лично. «Иди, говорилъ мнѣ владыка, не бойся; не такъ страшны штундисты, какъ о нихъ рассказываютъ; помни только всегда о своей высокой миссіи и не забывай, что любовь все побѣждаетъ. В. приходъ хорошій, не раскаешься». Обласканный и ободренный преосвященнымъ, я прибылъ въ предоставленный мнѣ приходъ. Знакомясь съ паствою, я узналъ, что вожаки штундизма въ моемъ приходѣ: штундистскіе пресвитеръ и диаконъ за кощунство и поруганіе православной святыни находятся въ К. острогѣ. Скоро однако по прибытіи моемъ въ приходъ они возвращены были домой, а мнѣ было предписано епархіальною властью «увѣщавать и наставлять заблудшихъ на мѣстѣ ихъ жительства». Всею душою отдался было я своему дѣлу, высокая миссія окрыляла меня. Однако мои попытки оказались безуспѣшны: бывшіе острожники не только не хотѣли вступать со мною въ религіозно-нравственныя бесѣды, но и относились ко мнѣ враждебно, искали случаевъ, чтобы оскорблять меня. Тяжелые и печальные дни потянулись для меня. Сбитая съ толку штундистскими бреднями, паства моя уподоблялась тогда «трости, вѣтромъ колеблемой». Утромъ она приходила въ церковь, слушала мои поученія, но въ тотъ же день вечеромъ посѣщала штундистскія собранія и къ ужасу моему все больше и больше уменьшалась. Печальныя вѣсти приходили изъ разныхъ мѣстъ епархіи. Какъ враждебная стихія, какъ пламя пожара, штундизмъ охватывалъ все большій и большій районъ; зловѣщимъ огонькомъ вспыхивалъ то тутъ, то тамъ, всюду производя религіозную смуту и внося разладъ въ семейную и общественную жизнь прихожанъ. Ко мнѣ начали все чаще и чаще являться прихожане съ жалобами на совратившихся въ штундизмъ. Отецъ жаловался на сына, сынъ на отца, жена на мужа и т. д.. Являлись съ жалобами и сельскія власти и требовали настойчиво совѣта: какъ быть съ Иваномъ, выбросившимъ икону на улицу, или съ Матреной, глумившейся надъ крестомъ у церковной ограды, и т. п.. Положеніе мое въ приходѣ изо дня въ день становилось тяжелѣе. Штундизмъ—вѣроученіе было тогда новое еще и не обслѣдованное. Въ обществѣ и печати о характерѣ этой секты и ея вліяніи на

религіозно-нравственный и общественный бытъ народа ходили разнообразныя толки. Въ отношеніи къ штундистамъ одни требовали примѣненія самыхъ строгихъ чутъ ли не драконовскимъ законамъ, другіе относились къ вѣроотступленію мужика болѣе, чѣмъ снисходительно, усматривая въ немъ признаки умственного и религіозно-нравственного развитія и прогресса. Въ зависимости отъ такихъ своеобразныхъ точекъ зрѣнія на предметъ нерѣдко получались и официальныя бумаги, имѣвшія отношенія къ штундизму. Приходилось самому разбираться въ противорѣчіяхъ и принимать нерѣдко рѣшенія на свой страхъ и отвѣтъ. Приходилось дѣйствовать—лавировать между двухъ огней, чтобы не оскорбить православныхъ и не дать «поблажки» штундистамъ; однако это не всегда удавалось. Совѣты мои въ духъ христіанской любви объяснялись православными какъ слабость, поблажка штундистамъ и только озлобляли ихъ. Начался самосудъ, сопровождавшійся нерѣдко жестокостями и притѣсненіями. Наѣзжали власти, начинались слѣдствія, дознанія, допрашивали и меня лично и письменно. Въ такихъ случаяхъ штундисты такъ или иначе старались обвинить меня передъ слѣдственной властью, какъ подстрекателя, сѣющаго смуту и вражду въ приходѣ. Особеннымъ усердіемъ въ этомъ отличался штундистскій пресвитеръ Степанъ. По его наущенію, за мою жизнь былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ; его единомышленники слѣдили, какъ оказалось послѣ, за мной, за моими рѣчами и дѣйствіями, гдѣ только можно было, чтобы добыть нужныя улики и выжить меня изъ прихода, какъ человѣка неудобнаго для цѣлей распространенія ихъ лжеученія. Вспоминая теперь пережитое время, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что никто какъ Богъ умудрялъ меня, тогда юнаго и неопытнаго пастыря въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ. Непреложная истина: «любовь все побѣждаетъ» во всей своей силѣ и очевидности сказала въ моихъ отношеніяхъ къ штундистамъ. Кто бы могъ предугадать, что пресвитеръ, явно презиравшій меня единственно изъ за моего священнаго сана, искавшій случая, чтобы оскорбить меня и тѣмъ вызвать на крайнюю мѣру съ моей стороны, сдѣлается потомъ близкимъ мнѣ человѣкомъ? Однако объ этомъ рѣчь впереди. Когда я прибылъ въ приходъ, то засталъ штундизмъ въ періодѣ остраго развитія. Прошелъ однако годъ, другой и въ теченіи этого религіозно-нравственного недуга наступила перемѣна: штундизмъ потерялъ прелесть новизны: начались разочарованія. Между «братіей» пошли споры по поводу толкованія разныхъ мѣстъ Священнаго Писанія; явились также недоразумѣнія и разногласія при примѣне-

ни на практикѣ нѣкоторыхъ положеній изъ штундистскаго вѣроученія. Штундисты раздѣлились на партіи. «Братскія собранія» посѣщались менѣе охотно и перестали быть такъ шумны и многолюдны. Разчлененный и обезсиленный взаимной враждой, штундизмъ потерялъ въ крестьянской средѣ то обаяніе, какимъ онъ пользовался вначалѣ, и число послѣдователей начало быстро уменьшаться. Вотъ, въ этотъ періодъ «ослабленія вѣры» въ братіи, какъ выражались фанатики-сектанты, между штундистами разнесся слухъ, что «къ братіи» имѣетъ прийти къ 20 сентября «великій пророкъ», который—де будетъ творить великія чудеса, предсказывать будущее и объяснять нѣкоторыя мѣста Священнаго Писанія, служащія камнемъ преткновенія для толкователей—пресвитеровъ. Слухъ этотъ принесъ штундистскій пресвитеръ, бывшій случайно на ярмаркѣ въ одномъ изъ мѣстечекъ Херсонской губерніи. Пророка онъ самъ не видѣлъ, но слыхалъ о немъ отъ херсонскихъ штундистовъ, которые сообщили ему между прочимъ родословную «пророка» и нѣкоторые характеристическіе случаи изъ его жизни. Какъ ни скудны были эти свѣдѣнія, но молва пополнила, округлила ихъ, и въ представленіи фанатиковъ пророкъ явился окруженный ореоломъ величія и чудодѣйственной силы. Родословную пророка молва производила отъ ап. Павла, и это такъ просто и скоро, что пророкъ приходился правнукомъ великаго учителя язычниковъ. Рассказывали, что пророкъ обратился за моремъ въ «истинную вѣру» тысячи народа и многихъ царей. Въ доказательство чудодѣйственной силы пророка указывали какъ на фактъ, что онъ, не имѣя собственнаго корабля и не желая ѣхать на караблѣ невѣрныхъ, осѣдлалъ рыбу-кита и на немъ въ одну ночь переплылъ море и проч.. Возбужденіе и оживленіе штундистовъ было такъ сильно, что пророкъ сдѣлался героемъ дня: объ немъ толковали на всѣхъ перекресткахъ не только штундисты, но даже и православные. Послѣдніе, впрочемъ, недовѣрчиво относились къ бреднямъ штундистовъ и подтрунивали надъ ними, называя, пророка штундистскимъ «мессіашемъ», чѣмъ еще болѣе разжигали фанатизмъ штундистовъ и обостряли взаимную распрю. Дней за 10 до рокового 20 числа пресвитеръ, желая почтить пророка и заслужить его расположенность, выбралъ изъ своей среды нѣсколько чѣловѣкъ болѣе ретивыхъ штундистовъ, снабдилъ ихъ братскими деньгами и провизіей и въ качествѣ депутатовъ отправилъ на встрѣчу пророку. Въ ожиданіи послѣдняго, штундисты начали ежедневно собираться по вечерамъ на «собранія» и распѣвать свои гимны, изображая мнимую Иерусалимскую горницу. Между тѣмъ проходили дни за днями, ми-

нуло уже и 30-е сентября, а о пророкѣ и посланцахъ нѣтъ никакой вѣсти. Штундистами овладѣли разнообразныя чувства. Одни, по преимуществу новообращенные, заподозрили обманъ и боялись стыда. Другіе увѣряли первыхъ, что Богъ разгнѣвался на нихъ за беззаконія и отозвалъ пророка въ другія страны. Третьи во главѣ съ пресвитеромъ утѣшали братію, что пророка задержали дѣла церкви и что онъ непременно посѣтитъ ихъ. Но всѣ эти разнообразныя гаданія и тщетныя ожиданія приводились къ одному знаменателю: стыду предъ православными, которые послѣ рокового 20-го сентября проходу не давали имъ, зло подтрунивая и переспрашивая: «дежь пророкъ? якій винъ?» и проч..

Такимъ образомъ между штундистами возникли препирательства и споры, принимавшіе съ каждымъ днемъ все и болѣе острый характеръ. Пресвитеръ прикинулся больнымъ и забился на печку, но его находили и тамъ. Одни просили указанія относительно того, какъ успокоить братію, какъ провѣрить сообщеніе о пророкѣ; другіе безъ церемоніи наступали на горло: «скажи намъ, какой это пророкъ? гдѣ онъ? можетъ ты обманываешь? Надъ нами громада смѣется!»! Наконецъ, когда возбужденіе и раздраженіе штундистовъ готово было разразиться въ взаимной свалкѣ, помощникъ пресвитера или какъ его называли штундисты «кандидатъ», чтобы успокоить страсти, пригласилъ братію на сходку. Штундисты, хотя и неохотно, собрались въ значительномъ числѣ.

Небольшая хата не вмѣщала въ себѣ собравшихся; иные толпились въ сѣняхъ и около хаты. «Господь посреди насъ!»! громко произнесъ кандидатъ и приподнялъ надъ своей головой евангеліе, приглашая этимъ братьевъ къ вниманію. Кандидатъ громче выкрикнулъ воззваніе и штундисты притихли и насторожили уши. Кандидатъ началъ своеобразную рѣчь, уснащая ее выраженіями: «такъ Богу угодно, такъ говоритъ слово Божіе, такъ сообщилъ Духъ Святой и проч.» Говорилъ ораторъ много, дѣлалъ частыя ссылки на мѣста Св. Писанія, сопровождая ихъ утомительными для вниманія объясненіями, но эту рѣчь можно передать въ слѣдующихъ словахъ. На основаніи свѣдѣній, принесенныхъ пресвитеромъ, кандидатъ старался сравнить миссію «пророка» съ миссіею ап. Павла. «Какъ Павла, наставлялъ кандидатъ, задерживали разныя непредвидѣнныя обстоятельства, когда онъ путешествовалъ, насаждая церковь, такъ и вѣрнаго ученика его могли задержать непредвидѣнныя случайности. Поэтому роптать грѣшно; нужно быть увѣренными, что пророкъ блюдетъ интересы церкви и, вѣро-

ятно, въ тѣхъ же интересахъ оставилъ при себѣ посланныхъ къ нему на встрѣчу братій». Затѣмъ кандидатъ началъ читать о путешествіяхъ ап. Павла, останавливаясь по преимуществу на тѣхъ случаяхъ изъ его жизни, которые, по его мнѣнію, могли имѣть хоть какое либо отношеніе къ данному событію. Было уже довольно поздно, рассказывалъ миѣ одинъ изъ посѣтителей собранія, беспросвѣтная ночь чернымъ покровомъ висѣла надъ селомъ, вдругъ въ сѣняхъ произошелъ шумъ, какое то необычайное движеніе. Стоявшіе и сидѣвшіе въ хатѣ возлѣ дверей разступились и впустили пять новоприбывшихъ штундистовъ. «Братія!» крикулъ кандидатъ и бросился на встрѣчу пришедшимъ. Словно испуганные воробьи мгновенно очнулись и встрепенулись всѣ штундисты и окружили возвратившихся депутатовъ. Послышались со всѣхъ сторонъ вопросы: «гдѣ же пророкъ? какой онъ? что говорилъ? почему не пришелъ?» и проч. и проч..— «Брехня!» отвѣтили въ одинъ голосъ депутаты.— «Какъ же такъ?! развѣ насъ обманули? надъ нами посмѣялись?!» заревѣли штундисты и съ угрожающими жестами бросились къ кандидату.— «Братія мои, соколята мои, не дѣлайте грѣха», взмолился несчастный.— «Стойте, стойте!» крикнулъ одинъ изъ депутатовъ, заслоняя собою дрожащаго оратора, рѣчь держу!» Штундисты притихли. «Пророкъ, началъ депутатъ, дѣйствительно явился было между братією херсонскою, но пророкъ ложный. Толку въ Писаніи онъ никакого не зналъ. Братія его прозрѣла и уличила его въ обманѣ. Такъ, онъ собиралъ деньги, холстъ и полотно будто для заморской братіи, а оказалось, что братское добро переводилъ въ шинкѣ на деньги; часть ихъ и пропивалъ въ шинкѣ съ блудницею, которую называлъ сестрой-пророчицей, а остальные пряталъ въ карманъ».— «О срамъ, о позоръ, о наказаніе Божіе!» неистовствовали штундисты.— «Одному изъ братій, продолжалъ ораторъ, онъ пророчествовалъ, что у его жены родится сынъ, который, едва только выйдетъ изъ утробы матери, самъ назоветъ себя Александромъ и будетъ пророчествовать. Подъ разными предлогами лжепророкъ выманилъ все добро у довѣрчиваго брата, а когда родился не сынъ, а дочь, которую назвали Гапкой, то мошенникъ скрылся. Одному онъ пророчествовалъ»...— «Довольно, довольно», заревѣли штундисты, какъ бы стыдясь самихъ себя. Къ пресвитеру!» крикнулъ кто то въ толпѣ, онъ обманщикъ, онъ въ стачку вступилъ съ мошенникомъ, онъ позоръ намъ нанесъ» и, не зная на комъ вымѣстить кипѣвшую злобу, толпа бросилась къ усадьбѣ пресвитера. Какъ гигантская волна охватила избу пресвитера бушующая толпа, ворвалась въ хату, хлынула къ печкѣ,

но... «пресвитера и духу не было»! Куда отлучился и давно ли оставилъ домъ пресвитеръ, никто точно опредѣлить не могъ.

Прошла недѣля, другая. Была темная осенняя ночь; шелъ мелкій дождь, бушевалъ вѣтеръ. Въ домѣ у меня всё уже спали, я сидѣлъ одинъ и дочитывалъ книгу. Вдругъ въ открытую форточку окна мнѣ послышался чей то голосъ и за тѣмъ кто-то тихо постучался въ окно. Я нагнулся къ окну и прислушался—ничего не слышно, только вѣтеръ шумѣлъ листьями деревъ, бросая крупными каплями въ окна. Едва я опустился на стулъ, какъ стукъ въ окно повторился и мнѣ ясно послышалось: «батюшка»! Я открылъ окно и поднесъ свѣчу. Къ моему великому удивленію я увидѣлъ у окна стоящаго на колѣняхъ человѣка, въ которомъ узналъ штундистскаго пресвитера. «Чего тебѣ, Степанъ, чего ты на колѣнахъ?» — «У васъ въ домѣ всё спятъ, тихо началъ Степанъ, не хотѣлъ тревожить. Батюшка, отецъ родной! взмолился пресвитеръ, впустите въ домъ, выслушайте меня окаяннаго». — «Да ты бы днемъ», началъ было я... — «Нѣтъ, сейчасъ, силъ моихъ нѣтъ, измучился я»... Я открылъ дверь террасы и потихоньку впустилъ къ себѣ Степана. Едва только мы вошли въ комнату, какъ Степанъ повалился наземь, охватилъ руками мои ноги и началъ покрывать ихъ поцѣлуями. Все это случилось такъ быстро, было такъ неожиданно, что я положительно растерялся. Первая мысль мелькнула у меня: Степанъ помѣшался. Тревога охватила меня; я не зналъ, что дѣлать: бѣжать, кричать, звать на помощь... «Степанъ, что съ тобой? встань, пусти меня!» началъ было я, не зная что предпринять. «—Я блудный, блудный сынъ, простите, я каюсь, я»... и Степанъ разразился глухими, тяжелыми рыданіями... Трудно передать тогдашнее мое состояніе. Встревоженный, потрясенный этой сценой, я какъ то сразу ослабѣлъ: ноги у меня дрожали и какъ бы подкашивались, и я поспѣшилъ опуститься на близъ стоявшій стулъ. Тупая боль защемила мнѣ сердце, мнѣ сразу стало жаль Степана. Всѣмъ существомъ своимъ я понималъ, почувствовалъ, что Степанъ не сумасшедшій; чуткое сердце человѣческое безъ словъ говорило, что это рыданія наболѣвшей, истерзанной души, и я не прерывалъ ихъ, я ждалъ, что слезы успокоятъ страдальца. — «Степанъ, тихо, ласково обратился я, когда онъ немного успокоился, расскажи мнѣ толкомъ, что съ тобою, что ты плачешь? Я для тебя все сдѣлаю, что могу», началъ я какъ умѣлъ успокоивать его. Степанъ поднялъ на меня свое заплаканное лицо. — «Позвольте ужъ такъ, сидя, попросился онъ, очень я ужъ ослабъ, за сердце сосеть». — «Ну, ладно, сказалъ я, рассказывай». — «Я думалъ, началъ Степанъ,

утирая рукавомъ свое мокрое отъ слезъ лицо, что разсердитесь, прогоните, слушать не станете, ужъ какъ оскорблялъ то я васъ, какъ досаждалъ вамъ, а теперь вотъ прощенія молю, въ православіе опять хочу; простить ли Господь?» спросилъ Степанъ, тяжело вздохнувъ.—«Богъ всякій грѣхъ простить, только покайся искренно», успокоилъ я Степана.—«Боже мой, Боже! до чего я дошелъ только», продолжалъ Степанъ: надъ святымъ крестомъ творилъ поруганіе! хуже Иуды сталъ!»... Я смотрѣлъ на осунувшееся, блѣдное лицо Степана и молча слушалъ его исповѣдь. Степанъ говорилъ много, но сбивчиво, и часто поправлялъ себя, какъ бы желая болѣе рѣзкими чертами представить мнѣ картину своего паденія. «Я въ школѣ хорошо учился, говорилъ онъ, въ церкви часто за дьячка справлялся, пѣть любилъ; вы не застали уже меня православнымъ», пояснилъ Степанъ. «Потомъ эта самая чума-штунда у насъ объявилась. Чудно это мнѣ было сначала: какъ это не только мужики, но даже и бабы, прости Господи, Православную вѣру хаять начали: и того не надо и этого не нужно, и то не такъ... Заходилъ я бывало на ихъ собранія, любопытство меня брало, что они тамъ, думаю, дѣлають. Слушаю я это ихъ рассказы, диву даюсь: откуда все это они знаютъ? А станутъ пѣть—подтягивать и я начну, да такъ и останусь въ собраніи, пока не станутъ расходиться. Боже, Боже! вздыхалъ Степанъ, какихъ только рѣчей не наслушался я у нихъ! сначала мнѣ даже страшно было слушать, такъ они сквернили вѣру Православную. Придешь, бывало, домой, жена моя Агафья упрашивать меня начнетъ: «не ходи туда, голубе мій, еще заштундишься». Я даю зарокъ; ни за что не пойду, думаю; одинако приходитъ пятница—день собранія, я потихоньку отъ жены, опять къ штундамъ... А тутъ какіе-то господа пріѣзжать стали, книжки дарили—кто и не хотѣлъ, всучать бывало, бесѣды вели, да такъ красно, что заслушаешься. Чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще началъ я заходить въ собранія, такъ вотъ и загубилъ душу православную, заштундился, въ церковь совсѣмъ пересталъ ходить. Агафья моя забрала дѣтей, да и къ отцу ушла. По осени, продолжалъ Степанъ, меня въ солдаты взяли, въ Одессу услали, тутъ я уже и совсѣмъ порѣшилъ съ православіемъ... Черезъ годъ домой я вернулся какъ бы инымъ человѣкомъ. Меня ученымъ величать стали, а потомъ и пресвитеромъ выбрали. Подумать страшно, какіе ужасы творилъ я надъ православною святыней! Точно бѣсъ въ меня вселился и подвигалъ меня. Я готовъ былъ бѣжать за море, въ чужія страны проповѣдывать новую вѣру. Не только никакихъ препятствій я не боялся, но какъ безумный самъ на

рогонъ шель. Апостоломъ себя возмнилъ, продолжалъ казнить себя Степанъ, желалъ за вѣру страдать, ну и допрыгался: въ острогъ меня упекли. Сначала я даже радъ былъ этому: мучить, думалъ, стануть, «сподоблюсь»... горькая улыбка перекосила лицо Степана. Однако ошибся: жилось мнѣ хорошо, продолжалъ Степанъ, ѣды и питья было въ волю, даже въ баню меня водили. Заходили ко мнѣ начальники, архіерей даже былъ; всѣ такъ со мною ласково разговаривали, убѣждали, просили одуматься; а я то окаянный или молчу бывало, или буркну что нибудь несурзное, да и упрюсь на немъ, такъ меня и оставили въ покоѣ, а потомъ скоро домой воротили». Степанъ замолкъ и призадумался. Молчалъ и я. Догорѣвшая лампа потухла, не было охоты зажигать ее. Вездѣ было тихо, слышались только не вдалекѣ равномерныя постукиванья сторожа въ церковную ограду, гдѣ то пропѣлъ пѣтухъ, откуда то издаека доносился лай потревоженной собаки. Ночь видимо проходила: на небѣ кое гдѣ мерцали звѣзды, утренній свѣтъ, хотя и слабо еще, просился въ комнату.— «Потомъ, продолжалъ Степанъ, вы были свидѣтелемъ, какъ я бѣсновался»...— «Но что же тебя къ православію привело? Кто просвѣтилъ тебя? Заторопилъ я Степана».— «Не сумѣю я толково вамъ рассказать это; не знаю даже, когда собственно началось мое просвѣтленіе.

Еще въ К., сидя бывало одинокій за рѣшоткой у тюремнаго окна, я нерѣдко задавалъ себѣ вопросы: а что если я ошибаюсь, а что если и правду я волкъ въ овечьей шкурѣ? что если я заблудшая овца, какъ меня называли православные? Ужасъ охватилъ меня; я готовъ былъ бѣжать, каяться, просить прощенія, но у меня на это духу не хватало, стыдъ удерживалъ какой то, вѣрнѣе самъ нечистый въ лапахъ меня держалъ. Какъ не гналъ я отъ себя эти вопросы, но они все лѣзли въ голову и нерѣдко цѣлую ночь мучили меня. Воротился я домой; тутъ дѣла этого самаго много объявилось, завертѣлся я, замотался и какъ бы забылся. Однако это было недолго: червякъ заползъ уже ко мнѣ въ грудь, началъ грызть мое сердце и мучить сомнѣніями; покоя я себѣ нигдѣ не находилъ. Придешь бывало домой изъ собранія точно больной, сердитый, плакать хочется, а не знаешь отчего. Завалишься на печку... заснуть бы, думаешь, а червякъ все сосеть, да сосеть... мысли одна другой страшнѣе такъ и ползуть въ голову: надъ святымъ крестомъ ругался, образъ св. Николая прострѣлилъ..., такъ и промучаешься до утра, не смыкая глазъ. Вотъ порѣшилъ было какъ-то разъ пойти въ собраніе да и сказать: «братцы, увольте, я въ православіе возвращаюсь, да что вы

думаете? съ полдороги возвратился, въ тотъ день и въ собраніе не ходилъ. Подожду еще, думаю. А тутъ эти «друзья-братья» въ Херсонѣ у насъ нашлись; шлютъ намъ письма за письмами: — не бойся, малое стадо, пишутъ намъ, мужайся и крѣпись и проч. проч.» Да, не одну душу христіанскую загубили эти друзья! тяжело вздохнулъ Степанъ. А я, окаянный, продолжалъ онъ, вѣрилъ ихъ письмамъ, вѣрилъ всякому вздору, о которомъ и вспомнить теперь стыдно. Вотъ хотя бы объ этомъ пророкъ... какъ я повѣрилъ это глупой сказкѣ?! Вѣдь самъ же для него, мошенника, и дары собиралъ! Когда я узналъ объ обманѣ, а узналъ я раньше другихъ, тутъ ужъ я совсѣмъ прозрѣлъ: все было обманъ и обманъ! Мнѣ страшно стало предъ Богомъ и обманутыми мною людьми. Я ночью бѣжалъ изъ села и болѣе двухъ недѣль скитался въ окрестностяхъ, именемъ Христовымъ кормился. Было со мной такъ, что хоть руки на себя наложить: такое отчаяніе меня брало, такая тоска меня грызла, да видно Господь не допустилъ до грѣха».

Въ сосѣдней комнатѣ у меня часы пробили четыре. Степанъ встрепетнулся и засуетился. «Куда же ты?» спросилъ я. — «Отдыхать бы вамъ пора, простите, батюшка, время позднее, началъ извиняться Степанъ». — «Сиди, сиди, Степанъ» успокоилъ я, мнѣ спать не хочется. Дѣйствительно, спать мнѣ совсѣмъ не хотѣлось; простая, сердечная исповѣдь Степана заинтересовала и увлекала меня. «Что же дальше, ты откуда ко мнѣ?» спросилъ я, желая помочь Степану найти нить прерваннаго разсказа. — «Я прямо изъ Р. къ вамъ, продолжалъ Степанъ. Въ селѣ меня, кажись, еще никто не видѣлъ. Измученный, голодный заснулъ я — къ вечеру это было — въ Р. лѣсу, въ сторонкѣ отъ дороги. Снится это мнѣ дивный сонъ: маленькій будто бы я еще сижу въ избѣ съ такими же хлопцами, да и службу по штундовому справляемъ. Входитъ это покойный мой отецъ, посмотрѣлъ на насъ сердито, да какъ крикнетъ: « Степа, вонъ поганецъ изъ дому! ты что это вздумалъ штундиться?! Въ церковь ступай молиться!» «Встрепетнулся я и открылъ глаза; вижу предо мною незнакомый мнѣ человѣкъ стоитъ, сѣдой весь, бляха на шапкѣ. — Землякъ, говорить, а землякъ!! ты что это, больной что ли, чего стонешь?» — Нѣтъ, говорю, я такъ, а самъ поднялся и еле на ногахъ держусь, лихорадка меня бьетъ, холодный потъ выступилъ. — «Иди, говорить, своей дорогой, а то ночь въ лѣсу захватить, вишь погода какая, застынешь». Старикъ повернулся и скрылся въ лѣсу. День клонился уже къ вечеру, когда я вышелъ изъ лѣсу. На мельницѣ въ М. добрые люди хлѣбцемъ снабдили,

оправился я немного и прибавилъ шагу. А сонъ такъ и не выходилъ у меня изъ головы. Боже мой, думалось мнѣ, отецъ изъ гроба началъ гнать меня въ церковь, а я то окаянный?! Скорѣе, скорѣе къ священнику рѣшилъ я каяться, прощенія просить; боялся—не примете, прогоните.—«Богъ съ тобой, Степанъ, я очень радъ, что ты одумался, Господь простилъ же блуднаго сына».—«Я рѣшилъ хоть предъ цѣлымъ міромъ каяться, воодушевлялся Степанъ, спасибо, выслушали меня, душу отвелъ». На дворѣ уже почти свѣтло было. Проводивъ Степана, я попытался было уснуть, но мнѣ это не скоро удалось. Впечатлѣнія пережитой ночи слишкомъ разстроили меня: въ вискахъ у меня стучало, мысли путались; припоминались факты и горькія слова изъ печальной повѣсти Степана. Солнце уже поднялось высоко, когда я, измученный, забылся сномъ.

Спустя двѣ недѣли Степанъ исповѣдывался и причастился въ приходскомъ храмѣ. Возвращеніе штундистскаго пресвитера въ православіе произвело въ приходѣ сильное возбужденіе. Примѣръ Степана не остался безъ подражанія. Скоро заявилъ о желаніи присоединиться къ православію и штундистскій «діаконъ», а за нимъ еще присоединились челоуѣкъ 70 штундистовъ обоего пола. Штундистская община въ моемъ приходѣ почти совсѣмъ распалась. Степанъ усердно посѣщаль церковное богослуженіе, читаль и пѣль на клиросѣ. Часто онъ заходилъ ко мнѣ, бралъ книги для чтенія, случалось нерѣдко, что мы и вмѣстѣ читали. Степанъ пользовался нѣкоторымъ достаткомъ: имѣлъ почти новую избу и необходимыя хозяйственныя принадлежности. Жена съ дѣтьми къ нему возвратилась, и все, кажется, наладилось, какъ и быть слѣдовало. Однако это кажущееся благополучіе мало утѣшало Степана. Случалось, что онъ приходилъ ко мнѣ какой то сумрачный, точно больной, часто задумывался, вздыхаль; иногда мнѣ казалось, что онъ не слушалъ моего чтенія. Разъ какъ то, помню, читаль я ему что-то. Поднявъ глаза отъ книги, я увидѣль, что Степанъ упорно смотритъ въ землю, а по лицу его катятся крупныя слезы... «Что съ тобою, Степанъ, чего ты плачешь?» встревожился я.—«Не прощенъ я, батюшка, Богомъ, не прощенъ, я это сердцемъ чувствую, нѣтъ у меня спокойствія на душѣ, тяжело, тоска опять грызетъ меня», уныло, печально заговорилъ Степанъ, утирая рукавомъ катившіяся слезы. Не скоро мнѣ тогда удалось успокоить его. Прошло недѣли двѣ и онъ опять зашелъ ко мнѣ. По выраженію его лица я замѣтилъ, что Степанъ принесъ мнѣ или какую нибудь новость, или принялъ важное рѣшеніе. Я не ошибся.

«Вотъ что, батюшка, надумалъ я съ женой, началъ Степанъ и не много замялся. У меня, какъ вамъ извѣстно, въ семействѣ: я, жена, да два мальчика по 8 и 9 году; съ дѣтьми то этими я и Агафью за себя взялъ, своихъ у меня не было. Вотъ мы и порѣшили съ женой пристроить своихъ мальчиковъ въ духовное званіе, можетъ быть хоть они замолятъ грѣхъ окаяннаго отца». Дѣтей этихъ я зналъ лично, такъ какъ они учились въ приходской школѣ; мальчики были бойкіе, толковые и способные.—«Что же, прекрасно, сказалъ я, только подготовить ихъ нужно; но не безпокойся, это дѣло я на себя возьму». Степанъ бросился цѣловать мои руки и благодарить. Потолковавши, мы порѣшили, что онъ будетъ посылать ко мнѣ своихъ мальчиковъ по вечерамъ. Впереди были еще у насъ зима, весна, подготовить мальчугановъ въ духовную школу казалось дѣломъ не такъ труднымъ. Началъ я заниматься, мальчики оказались способными, дѣло наше спорилось. На занятіяхъ иногда присутствовалъ и Степанъ. Онъ какъ то скоро переимѣнился къ лучшему: поздоровѣлъ, повеселѣлъ и успокоился.

Въ августѣ, убравъ озимый хлѣбъ и отслуживъ молебень въ приходскомъ храмѣ въ присутствіи многочисленныхъ прихожанъ, я и Степанъ съ дѣтьми отправились въ К. попытать счастья. Къ великой нашей радости дѣло уладилось: старшій сынъ Степана поступилъ въ духовное училище степендіатомъ В. братства, а младшій пока оставленъ въ училищѣ для мальчиковъ при одномъ изъ монастырей.

Возвратившись домой, Степанъ принялся за обычныя свои хозяйственныя занятія. Сердобольная мать однако тосковала по дѣтяхъ; часто заходила она ко мнѣ справляться, какъ поживаютъ ея мальчики. Заручившись любезностію кое кого изъ учителей, я получалъ отъ нихъ нерѣдко письма и читалъ ихъ матери. Агафья смѣялась и плакала, слушая хорошія вѣсти о своихъ дѣткахъ. Недолго однако пришлось намъ радоваться. Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ получилъ я увѣдомленіе, что меньшей сынъ Степана скончался отъ тифа. Не успѣли еще высохнуть слезы матери, какъ мы узнали, что и старшій сынъ отъ той же болѣзни умеръ. Ударъ былъ слишкомъ силенъ, слабые нервы не выдержали, несчастная мать помѣшалась.

Много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, но я еще и теперь не могу безъ сердечной боли вспомнить, въ какихъ ужасныхъ формахъ выражалось тогда горе обезумѣвшей матери. Агафья не хотѣла, вѣрнѣе, не могла вѣрить, что ея Васиньки и Петруси уже нѣтъ, что они похоронены на чужой сторонкѣ. «Они живы, живы»!! кричала безумная и порывалась ра-

зыскивать ихъ. Когда ее удерживали, она рвалась, кусала себѣ пальцы, царапала грудь и обезсиленная, окровавленная падала на землю и, тихо плача, повторяла: «дѣточки мои, сыночки!» Окружающая толпа плакала; плакали молодые и старые. При видѣ такого ужаснаго несчастья трудно было не сочувствовать бѣдной женщины, трудно было удержаться отъ слезъ. Одинъ только Степанъ не плакалъ, онъ точно одеревенѣлъ. Какъ бы машинально переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, бралъ въ руки ненужныя вещи, внимательно разсматривалъ ихъ и видимо старался держаться въ сторонѣ. Можно было подумать, что Степанъ безучастенъ къ общему горю, если бы блѣдное лицо его не выражало душевной адской муки. Больная, казалось, начала успокаиваться, но потомъ мы узнали, что это была хитрость, чтобы обмануть надзоръ. Ночью, улучивъ минуту, Агафья ускользнула изъ хаты и въ одной рубахѣ, босая, по снѣгу бросилась бѣжать по направленію къ К. Бѣглянку хотя скоро нагнали въ полѣ, но жестокая горячка уложила ее въ постель, а къ Рождеству мы Агафью и похоронили. Прошелъ мѣсяць; мнѣ дали знать, что Степанъ заболѣлъ горячкою и слегъ. Я поспѣшилъ къ больному и засталъ его въ жестокомъ тифѣ: Степанъ не узнавалъ ни меня, ни окружающихъ. Болѣзнь тянулась долго, то и дѣло осложнялась. Было время, когда врачъ считалъ больного безнадежнымъ, но сильный организмъ выдержалъ борьбу, Степанъ началъ поправляться. Во время выздоровленія я часто навѣщалъ его. Какъ ни старался я избѣгать разговоровъ объ ужасномъ прошломъ, боясь вередить не зажившія еще раны, Степанъ самъ заводилъ о немъ рѣчь, но какъ то холодно, какъ бы о событіяхъ давно минувшихъ.

Ни тѣни упрека на злосчастную судьбу, ни искры сожалѣнія объ ужасныхъ потеряхъ не обнаруживалъ Степанъ. «Даль бы милосердный Богъ, говорилъ Степанъ, душу свою спасти, а о покойникахъ я не скорблю; Господь лучше меня знаетъ, что творить».

Какъ то, въ началѣ великаго поста, мнѣ доложили, что Степанъ желаетъ меня видѣть. «Что, Степанъ, здоровъ уже»? освѣдомился я.—«Слава Богу, окрѣпъ немного, отвѣтилъ онъ. А я, батюшка, въ далекій путь собрался, благословите меня».—«Куда ты?» удивился я.—«Хочу въ Иерусалимъ, чтобы къ Пасхѣ отговѣться, да попрошусь и остаться тамъ, если можно, пригожусь кому нибудь».—«Ты погоди немного, здоровьемъ запастись нужно, посоветовалъ я, вѣдь путь то трудный и далекій, а потомъ и съ Богомъ; что жъ, я очень радъ твоему рѣшенію».—«Нѣтъ, родной отецъ, я уже рѣ-

шилъ». — «Да и домашнія дѣла исподоволь построишь», пробовалъ я урезонить Степана. — «Все уже я, батюшка, обдумалъ, все уже рѣшилъ. Здоровьемъ я запасся. Устраивать же мнѣ здѣсь уже нечего и некого. Полевой надѣлъ я брату уступилъ, избу и что было въ хозяйствѣ продалъ, нѣсколько рублей себѣ на дорогу оставилъ, а эти вотъ деньги (тутъ Степанъ полѣзъ за пазуху) вамъ, крестъ на престолъ купите въ церковь, чтобы память осталась.»... ....Голосъ бѣдняги дрогнулъ, онъ поспѣшилъ стряхнуть рукавомъ выступившія слезы. Слишкомъ близко къ сердцу сталъ мнѣ этотъ человѣкъ, невольная слеза и у меня скатилась. Я благословилъ Степана, и мы разстались. Прошелъ годъ, другой, о Степанѣ вѣстей не было. Передавали мнѣ побывавшіе на богомольѣ въ К., что видѣли его на монастырскомъ дворѣ съ топоромъ въ рукахъ; потомъ рассказывали, что встрѣчали его тамъ же въ иноческомъ одѣяніи. Скоро судьба забросила меня на службу въ далекій уголокъ Россіи, я потерялъ Степана изъ виду, но вѣрую, что въ святой обители онъ нашелъ себѣ и утѣшеніе и душевное спасеніе.

160-го пѣхотнаго Абхазскаго полка священникъ Іоаннъ **Яроцкій**.

Губ. гор. Могилевъ.

1893 г. мая 4-го дня.

Геройскій подвигъ безсрочно-отпускнаго стрѣлка 3-го Туркестанскаго баталіона Степана Яковлева.

Въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» въ статьѣ «Фергана — Путевые очерки» Г. Евг. Марковъ между прочимъ сообщаетъ:

На станціи Мурза-Рабатъ стоитъ сложенный изъ кирпича памятникъ, на красной доскѣ котораго написано: «Степанъ Яковлевъ, стрѣлокъ 3-го Туркестанскаго баталіона убитъ 6-го августа 1875 г. шайкою Коканцевъ, защищая станцію Мурза-Рабатъ». Памятникъ достойному воину воздвигнутъ пожертвованіями проѣзжающихъ въ 1877 г.

Степанъ Яковлевъ былъ старостою на станціи Мурза-Рабатъ. Коканъ тогда еще не былъ присоединенъ къ Россіи, и пограничные рубежи нашей Сыръ-Дарьинской области постоянно подвергались его набѣгамъ. Мурза-Рабатъ была послѣднею станціею на нашей границѣ. 5-го августа сосѣдніе киргизы прискакали на станцію съ страшною вѣстью, что сильный отрядъ коканцевъ ворвался за нашу границу и двигается на Мурза-Рабатъ,

грабя, разоряя и убивая всѣхъ. Ямщики—киргизы, не долго думая, засѣдали почтовыхъ лошадей и удрали подальше, въ степь, за своими собратьями—киргизами. Но напрасно они уговаривали Яковлева уѣхать съ ними. Старого служиваго не уломали ничѣмъ. Съ бранью и гнѣвомъ кричалъ онъ на нихъ:

— Что жъ вы, собачьи дѣти, когда жалованье получать, такъ вы тутъ, а какъ добро казенное защищать,—такъ васъ и слѣдъ простылъ? Я присягу солдатскую приносилъ за Царя, за Вѣру до послѣдней капли крови стоять и довѣренное мнѣ Царское добро охранять всѣми мѣрами. Какъ же я теперъ съ вами, съ разбойниками, уйти могу, когда у меня казна почтовая на рукахъ, и книги приходныя, опять же повозки, сбруя и кони казенные?.. Какой же я послѣ того отчетъ въ нихъ начальству могу дать? Вѣдь меня за это начальники не похвалятъ...

Увѣщаніе ветерана не удержало, конечно, перетрусившихъ киргизовъ, и они, потуживъ о глупомъ москочѣ, котораго всѣ любили, разсыпались, кто куда успѣлъ. Старый стрѣлокъ, оставшись одинъ, завалилъ повозками ворота двора, загородилъ чѣмъ могъ двери и окна глинянаго домишка, розыскалъ бывшія на станціи три ружья и, зарядивъ ихъ какъ должно, устави́лъ въ щели оконъ съ разныхъ сторонъ станціи, рѣшившись защищаться хотя бы и въ одиночку.

На другое утро толпа коканцевъ охватила запертую кругомъ станцію. На крики отворить никто не отворяетъ. Смѣльчаки бросились ломать ворота, но сейчасъ же попадали мертвые, поражаемые мѣткими пулями стараго стрѣлка. Съ какой стороны ни пробовали заходить они, вездѣ ихъ встрѣчали тѣже пули. Уже нѣсколько убитыхъ и раненыхъ валялись кругомъ. Вообразивъ, что на станціи заперлись хорошо вооруженные русскіе солдаты, и боясь новыхъ жертвъ коканцы рѣшили, наконецъ, отступить. Они набрали въ лощинѣ сухого камыша, обвалили имъ станцію и зажгли ее, надѣясь хоть огнемъ выжить оттуда неустрашимыхъ защитниковъ, такъ отчаянно бившихся противъ цѣлой ихъ шайки.

Степану Яковлеву дѣться было некуда. Заряды свои онъ уже всѣ разстрѣлялъ и рѣшился лучше пасть въ открытомъ бою, какъ подобаетъ честному воину, чѣмъ задохнуться въ дыму. Онъ выбѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ въ самую гущу враговъ и сталъ крушить ихъ направо и налево... Черезъ минуту онъ лежалъ мертвый, изрубленный въ куски саблями коканцевъ, но все-таки окруженный новыми, убитыми врагами.

Эта гомерическая битва одного русскаго воина съ цѣлымъ отрядомъ азіатовъ, эта непоколебимая вѣрность своему долгу и присягѣ—заслуживаетъ увѣковѣченія на страницахъ исторіи рядомъ съ самыми славными подвигами русскаго патриотизма. Народъ, который такъ понимаетъ свой долгъ передъ Отечествомъ, народъ, который способенъ такъ биться и такъ умирать,—не можетъ имѣть на страницахъ своихъ лѣтописей ни Седановъ, ни Мецовъ ¹⁾.

Освященіе Свято-Георгіевскоѣ церкви при Гродненскомъ военномъ мѣстномъ лазаретѣ и краткая записка о названной церкви..

Въ городѣ Гродно 30-го мая сего 1893 года совершено освященіе церкви во имя Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія при Гродненскомъ военномъ мѣстномъ лазаретѣ. Освященіе совершалъ преосвященный Іосифъ, епископъ Брестскій съ участіемъ настоятеля церкви протоіерея В. Молоденскаго и священника 103-го пѣхотнаго Петрозаводскаго полка А. Туревича. Литургію и молебенъ пѣлъ хоръ лазаретной церкви, состоящій изъ офицеровъ и дамъ-любительницъ. Пѣніе было стройное и торжественное. Настоятель церкви сказалъ приличное обстоятельству слово о значеніи храма, съ которымъ тѣсно связана жизнь каждаго православнаго христианина отъ колыбели до могилы. Торжество освященія почтили своимъ присутвіемъ г. исправляющій должность Гродненскаго губернатора вице-губернаторъ дѣйств. стат. сов. Озеровъ, начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи князь Щербатовъ, командиры отдѣльныхъ воинскихъ частей, расположенныхъ въ гор. Гродно, и всѣ офицеры Гродненскаго крѣпостнаго баталіона вмѣстѣ со своимъ командиромъ, который въ то же время состоитъ и начальникомъ лазарета. Послѣ литургіи преосвященный Іосифъ окропилъ св. водою всѣхъ нижнихъ чиновъ лазаретной команды и больныхъ солдатъ. Изъ церкви владыка въ сопровожденіи настоятеля, духовенства и начальника лазарета направился въ квартиру церковнаго старосты капитана Келпша и благословилъ скромную трапезу. Церковь Гродненскаго военнаго мѣстнаго лазарета существуетъ съ 1851 года; помѣщалась она въ одной изъ комнатъ второго этажа лазаретнаго зданія, была тѣсна и низка, имѣла не-

¹⁾ «Церковный Вѣстникъ» № 24, стр. 376.

большой иконостасъ и нѣсколько бѣдныхъ потемнѣвшихъ отъ времени, иконъ. Въ такомъ видѣ церковь существовала 42 года. Устроена она была, какъ это видно изъ хранящихся въ церковномъ архивѣ документовъ, смотрителемъ Гродненскаго госпиталя капитаномъ Шигремомъ¹⁾, который съ заштатнымъ священникомъ Зерновымъ пожертвовалъ для этой церкви нужныя металлическія вещи. Освящена была церковь между 19-мъ мая и 10-мъ августа 1851 года²⁾, но когда именно, объ этомъ документовъ не имѣется; видно только изъ документа № 2256, что къ участию въ освященіи по чиноположенію должны быть приглашены наличные полковые священники въ гор. Гродно. Вслѣдствіе отношенія оберъ-священника Василя Кутневича отъ 22-го марта за № 1424 Литовская духовная консисторія въ апрѣлѣ 1851 года выслала въ госпитальную церковь св. антиминосъ, освященный преосвященнымъ Іосифомъ, архіепископомъ Литовскимъ.

Священники госпитальной церкви были: Сімеонъ Пашкевичъ до 1853 г., Викторъ Базилевичъ до 1859 г., Іосифъ Кончевскій въ 1860 г., Александръ Георгіевскій до 63 г., Николай Георгіевскій до 1879 г., въ 1879 г. Петръ Богоявленскій, съ 30-го іюля 1879 г. по 1890 годъ протоіерей Василій Бѣлкинъ, съ 1890 по 1891 г. священникъ Михайль Дымскій и нынѣ служащій протоіерей Василій Молоденскій съ 23-го марта 1891 года.

Протоіерей Молоденскій возбудилъ вопросъ о расширеніи и возобновленіи храма. При своемъ представленіи г. командующему войсками Виленскаго округа, онъ указалъ на необходимость этого расширенія какъ съ гигиенической точки зрѣнія, такъ особенно съ религіозной. Командующій войсками, посѣтивъ лазаретную церковь 12-го августа 1891 г., нашелъ заявленіе настоятеля церкви заслуживающимъ вниманія и тутъ же поручилъ ему заготовить представленіе. Работы по переустройству церкви начаты были 1-го іюня 1892 г. и закончены въ половинѣ мая 1893 г. Церковь расширена и увеличена. Съ наружной стороны высота церкви увеличилась на 3¹/₂ сажени; надъ нею сіяетъ вновь позлащенный металлическій крестъ, видимый далеко изъ-за города съ южной и сѣверной стороны. Соотвѣтственно высотѣ храма увеличенъ и иконостасъ прибавленіемъ къ оному одного яруса. Весь иконостасъ выкрашенъ и вызолоченъ заново. Всѣ мѣстные иконы возобновлены на лазаретный счетъ,

¹⁾ Ордеръ г. оберъ-священника Василя Кутневича № 3, 829 августа 24-го дня 1851 года.

²⁾ Ордеръ его же №№ 2, 256 и 3765 того же года.

а также на лазаретный счетъ написано 10 новыхъ иконъ для украшенія стѣнъ храма съ рамами изъ золоченаго рѣзного багета и три иконы для иконостаса написаны на церковный счетъ. Живопись новыхъ иконъ вполне художественна. Кромѣ иконъ, лазаретный храмъ украшается еще художественно разрисованнымъ потолкомъ, который представляетъ собою голубое небо, усѣянное золотыми звѣздами. Въ общемъ получается впечатлѣніе на столько сильное, что кажется не выходилъ бы никогда изъ церкви, такъ по крайней мѣрѣ заявляли посѣщавшіе храмъ. Въ церкви сдѣлано три печи для отопленія и вентиляторъ въ потолокъ, такъ что не бываетъ душно, не смотря на скопленіе молящихся. По красотѣ и изяществу отдѣлки церковь Гродненскаго военнаго лазарета безспорно лучшая въ гор. Гродно, и не только въ Гродно, но, по отзывамъ лицъ компетентныхъ, такихъ церквей немного и въ Вильнѣ. Желательно, чтобы въ странѣ иновѣрцевъ было какъ можно болѣе такихъ благолѣпныхъ храмовъ. И этимъ благолѣпіемъ лазаретная церковь обязана содѣйствію г. командующаго войсками Виленскаго военнаго округа Николая Степановича Ганецкаго. Слава и честь всѣмъ потрудившимся надъ украшеніемъ этого св. храма и да помянутся имена ихъ въ молитвахъ церковныхъ!

Протоіерей Василій Молоденскій.

1893 года іюля 1-го.

Гор. Гродно.

Редакторъ-Издатель, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
С.-Петербургъ, Іюля 23 дня 1893 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ.*

Тип. «Артил. Журн.», Фурштатская, 21.